

ФАКТОРЫ НЕРАВЕНСТВА ЖИЗНЕННЫХ ШАНСОВ РОССИЯН (ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

*Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда.
Проект № 17-78-20125*

А. В. Каравай¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН.
117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

Для цитирования: *Каравай А. В.* Факторы неравенства жизненных шансов россиян (опыт эмпирического анализа) // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 1. С. 63–78. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7095

Аннотация. В статье на данных восьмой волны мониторингового общероссийского исследования Института социологии ФНИСЦ РАН (апрель 2018 г.) представлены результаты анализа факторов, определяющих место человека в пространстве жизненных шансов и рисков. Как показал мультиномиальный регрессионный анализ, риски попадания в депривированные слои в значительной степени связаны с аскриптивными характеристиками индивида, в первую очередь – с состоянием его здоровья, принадлежностью к мужскому полу и местом жительства. Выявлены, в частности, повышенные риски депривации для жителей Москвы, которые могут быть связаны с высокой долей среди них мигрантов первого поколения, находящихся в ситуации высокой вероятности длительной безработицы, неустойчивости доходов и несоблюдения их базовых трудовых прав. Масштаб этой проблемы столь велик, что все массовые слои населения Москвы демонстрируют на фоне других городов в этом отношении относительно худшие показатели, хотя потомственные москвичи находятся по отношению к жителям других населённых пунктов в привилегированном положении. Исследование также показало, что расширение жизненных возможностей, в отличие от их сужения относительно существующего в современном российском обществе стандарта соотношения жизненных шансов и рисков, связано прежде всего с особенностями ресурсообеспеченности индивидов. Качественный человеческий и культурный капитал, наличие высокопотенциальных социальных связей, привычка планировать свою жизнь и установка на собственную ответственность за неё существенно расширяют жизненные возможности россиян, одновременно минимизируя для них риски депривации. Взаимодействие этих факторов даёт кумулятивный эффект и проявляется в накоплении наиболее качественного человеческого потенциала, способствующего дальнейшему расширению жизненных шансов. Этому способствует и передача ключевых ресурсов в процессе социального воспроизводства верхней страты массовых слоёв общества.

Ключевые слова: жизненные шансы, факторы стратификации, факторы социального неравенства, социальная депривация, человеческий потенциал, ресурсообеспеченность.

В эпоху глобализации и ускорения всех экономических и политических процессов перед исследователями встала задача переосмысления взглядов на социальные неравенства и их причины. Показатели доходного неравенства хотя

и остаются надёжным инструментом анализа состояния общества и отдельных социальных групп, однако уже не являются основными индикаторами социального расслоения. Учёные сходятся во мнении, что в настоящее время на первый план выходят неравенства немонетарного характера, связанные с доступом индивидов к непрерывному образованию, качественному здравоохранению, высокооплачиваемым рабочим местам, развитой финансовой инфраструктуре, культурным объектам и т. д. (см. [Piketty, 2014] и др.). В этих условиях подходы к решению проблемы социального неравенства должны становиться более комплексными и многомерными, должны учитываться и немонетарные по своей природе неравенства, что значительно усложняет задачу определения факторов, влияющих на место человека в общей системе неравенств. Цель данной статьи – на основе эмпирического анализа с использованием метода мультиномиальной регрессии выявить некоторые нетривиальные факторы социальных неравенств в современном российском обществе.

Теоретико-методологические предпосылки анализа

Характерные для конкретного индивида жизненные возможности и влияющие на него риски не только являются следствием его положения в социальной иерархии, но и отражают специфику занимаемой им в этой иерархии позиции. Именно из этого исходит концепция жизненных шансов, предложенная около века назад М. Вебером [Weber, 1978]. Согласно этой концепции, место индивида в социальной структуре связано прежде всего с его позицией в системе производственных отношений и возможностями потребления различных материальных и нематериальных благ. Именно они определяют набор тех жизненных шансов и ограничений, которые характеризуют его повседневное бытие и отражаются в его «внутренней удовлетворённости» своей жизнью и положением [Weber, 1978]. Концепция М. Вебера получила своё дальнейшее развитие в трудах целого ряда социологов (см.: [Giddens, 1973; Erikson, Goldthorpe, 1992] и др.), и к настоящему моменту понятие «жизненные шансы» объединяет в себе возможности достижения целей во всех жизненных сферах. Схожие жизненные шансы индивидов отражают схожесть их классовых ситуаций, набор которых и определяет социальную структуру общества, задавая в ней сегменты (в терминологии М. Вебера) «позитивной» и «негативной» привилегированности. Согласно этой концепции, индивиды с позитивной привилегированностью характеризуются наличием власти, влияния и капитала (в разных его формах). Суть негативной привилегированности заключается не просто в низких доходах или в отсутствии собственности, а в повышенных рисках и депривациях, которые приводят человека к тяжёлому или зависимому положению [Weber, 1978].

Несмотря на существующий в научных кругах интерес к концепции жизненных шансов и рисков, эмпирических исследований, в которых ставилась бы цель построить модель социальной стратификации в её рамках, проводилось сравни-

тельно мало¹. Одной из попыток операционализации жизненных шансов и рисков применительно к российскому обществу, а также построения на их основе модели социальной стратификации, являются исследования рабочей группы под руководством Н. Е. Тихоновой². Базой для построения модели в этом случае выступает Индекс жизненных шансов и рисков (Индекс ЖШиР) – интегральный показатель. Он включает четыре субшкалы, каждая из которых отражает ситуацию с жизненными шансами и рисками индивидов в различных сферах жизни – экономической, производственной, в сферах доступа к получению образования и возможности поддерживать здоровье, а также в сфере потребления и досуга (см. табл. 1). Таким образом, модель не только позволяет ранжировать население по совокупности жизненных шансов и рисков, но также отражает картину позитивной и негативной привилегированности в каждой из четырёх областей жизни. Индекс ЖШиР представляет собой шкалу со значениями в диапазоне [-12; 12], на основе которой и выделяются три страты населения с различной степенью благополучия [Тихонова, 2018].

Таблица 1

**Субшкалы и показатели, использованные для построения модели стратификации
российского общества по жизненным шансам и рискам**

Показатели шкалы позитивной привилегированности	Показатели шкалы негативной привилегированности
Субшкала «Экономические условия жизни»	
Наличие второго пригодного для круглогодичного проживания жилья	Наличие множественных или крупных долговых обязательств
Наличие иной недвижимости при условии одновременного наличия автомобиля	Наличие значительных неэластичных текущих расходов (аренда жилья и т. п.)
Наличие инвестиций и сбережений, позволяющих прожить на них продолжительный период	Нестабильность доходов при отсутствии постоянной занятости
Субшкала «Ситуация на работе»	
Наличие ресурса влияния на работе	Неблагоприятные условия занятости
Наличие работы, являющейся объектом желаний большинства россиян (интересной и т. п.)	Несоблюдение на работе законодательства (отсутствие официального оформления и т. п.)
Наличие дополнительных социальных благ по месту занятости (соц. пакет и т. п.)	Риски длительной безработицы (опыт нахождения без работы более трёх месяцев подряд)

¹ В зарубежных исследованиях внимание уделялось в основном проблеме набора жизненных шансов, которые должны учитываться при анализе места индивида в социальной иерархии (см. [Erikson, Goldthorpe, 1992] и др.).

² Модель разрабатывалась рабочей группой под руководством Н. Е. Тихоновой, в состав группы входили В. А. Аникин, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева, Е. Д. Слободенюк и автор данной статьи. Подробнее о построении Индекса жизненных шансов и рисков, в том числе выборе для него индикаторов, формировании субшкал, определении порогов выделения укрупнённых групп, можно прочесть, в частности, в: [Anikin et al., 2017; Тихонова, 2018] и др.

Продолжение таблицы 1

Показатели шкалы позитивной привилегированности	Показатели шкалы негативной привилегированности
Субшкала «Возможности сохранения и наращивания человеческого потенциала»	
Возможность доступа к платному образованию для взрослых и детей	Недоступность необходимого образования
Возможность использовать платные формы заботы о здоровье (медицинские и оздоровительные услуги)	Вероятность значимого ухудшения здоровья (работа на вредных производствах и т. п.)
Наличие развитых навыков существования в цифровой среде (многообразие целей, регулярность использования Интернета)	Отсутствие доступа к IT-технологиям в повседневной жизни (отсутствие средств доступа к ним или навыков их использования)
Субшкала «Особенности потребления и досуга»	
Возможность расширенного стилового товарного потребления (число товаров длительного пользования в домохозяйстве более 1,25 медианы по населению в целом)	Суженный стандарт предметного потребления (число товаров длительного пользования в домохозяйстве менее 0,75 медианы по населению в целом)
Особая комфортность жилищных условий (большая площадь занимаемого жилья при наличии в нём коммунальных удобств)	Плохие жилищные условия (отсутствие коммунальных удобств, общая площадь менее 12 кв. м на человека)
Хорошие возможности проведения отпуска (проведение отпуска хотя бы раз в год вне дома и т. п.)	Наличие пищевых деприваций (самооценка питания как плохого, экономия на еде)

Источник: [Тихонова, 2018].

Построенная на этих показателях модель стратификации российского общества показала, что около половины взрослого населения страны концентрируется в срединной зоне шкалы Индекса ЖШИР, составляя среднюю (срединную) страту. Доминированием депривации и рисков по отношению к этой социальной норме отличаются около 30% россиян. Ещё меньше тех, кто характеризуется доминированием по отношению к ней позитивной привилегированности (каждый пятый). В данной статье мы будем отталкиваться в своём анализе от этих трёх страт, выделенных на основе Индекса ЖШИР.

Какова же сравнительная значимость факторов, определяющих положение индивидов в стратификационной иерархии? Ответ на этот вопрос позволяет одновременно выявить и те ограничения, с которыми сталкиваются индивиды в своих попытках расширить свои жизненные возможности или сократить риски и депривации.

Базой для эмпирического анализа выступал массив данных восьмой волны мониторингового общероссийского исследования Института социологии ФНИСЦ РАН, проведённой весной 2018 г. Выборка составила 4000 респондентов и репрезентировала население в возрасте от 18 лет и старше по регионам проживания, а внутри них — по полу, возрасту и типу поселения.

Выбор переменных и построение регрессионной модели

Наш анализ предполагал определение влияния того или иного фактора на вероятность попадания индивида в одну из трёх страт, выделенных на основании Индекса ЖШИР. Поскольку переменная принадлежности к той или иной страте имеет три категории, в качестве инструмента исследования мы выбрали метод мультиномиального регрессионного анализа. Опорной категорией (базой) стала средняя страта, представляющая собой стандарт жизненных возможностей, рисков и деприваций, характерных для массовых слоёв российского общества. Коэффициенты полученной регрессионной модели будут показывать, как определённый фактор (независимая переменная) влияет на вероятность индивида оказаться в страте, отличной от средней, по сравнению с теми, для кого этот фактор не характерен.

Выбор регрессоров (см. табл. 2) был обусловлен самой методикой построения Индекса ЖШИР. Мы не могли включить в модель те показатели, которые были использованы для его построения, т. к. они в значительной степени коррелировали с зависимой переменной. Переменные, связанные с профессиональной сферой, также не могли нами учитываться, т. к. они неизбежно делили выборку на две части (работающих и неработающих) и искажали получаемые для других факторов оценки. В то же время мы не могли не включить контрольные переменные, связанные с образованием и материальным положением, поскольку без учёта их влияния определение роли остальных факторов могло быть затруднено. Поэтому мы выбрали для анализа такие характеризующие их переменные, которые не входили в расчёт Индекса ЖШИР. В остальном наш выбор сравниваемых факторов обуславливался уже имеющимися исследованиями, посвящёнными изучению стратификации общества по жизненным шансам и рискам или по уровню и качеству жизни [Лежнина, 2019; Мареева, 2018; Popova, Pishniak, 2016; Тихонова, 2018], а также различных типов неравенств. Кроме того, мы включили в наш анализ показатели, отражающие обеспеченность индивидов нематериальными видами ресурсов — человеческим, социальным и культурным капиталом, а также некоторыми индивидуальными характеристиками (от здоровья до личностных особенностей).

Предварительный отбор факторов показал, что можно выделить несколько групп независимых переменных, определяющих место человека в стратификационной иерархии, построенной на Индексе ЖШИР. Во-первых, это аскриптивные характеристики — пол, возраст, состояние здоровья, а также такие характеристики домохозяйства, как тип поселения по месту проживания, иждивенческая нагрузка и среднедушевой доход.

Во-вторых, это обеспеченность значимыми для современного российского общества видами ресурсов [Тихонова, 2014]. Здесь важны были прежде всего характеристики человеческого капитала, в качестве показателя которого мы рассматривали в соответствии с классической традицией его анализа [Mincer, 1962]

количество лет обучения. Этот показатель при высокой его степени корреляции с уровнем образования (R_0 Спирмена – 0,83) и сравнительно низким уровнем корреляции с зависимой переменной (R_0 Спирмена – 0,36) мог быть включён в регрессионную модель в качестве ковариаты. Второй фактор из этой группы – ресурс социальных сетей [Bourdieu, Passeron, 1990], который в российском обществе играет важную роль и может значимо влиять на положение индивидов в социальном пространстве [Тихонова, 2014; Каравай, 2016]. В качестве показателя обеспеченности социальным капиталом мы воспользовались специальным Индексом потенциала ресурса сетей, основанным на возможностях привлечения разных видов помощи со стороны¹, весь спектр которых был разделён на пять разновидностей: 1) полное **отсутствие возможности привлечь помощь** со стороны; 2) доступность лишь **простейшей помощи** в виде поиска мелких приработков и получения мелких займов (до 100 тыс. руб.); 3) возможность **помощи в удовлетворении таких социальных потребностей**, как доступ к хорошим врачам и педагогам; 4) **связи**, помогающие найти хорошую работу, продвинуться в карьере, поступить в нужный вуз, решить проблемы с жильём; 5) наиболее ценные **дефицитные связи**, открывающие доступ к должностным лицам для решения своих проблем и/или позволяющие занимать крупные суммы денег. В 2018 г. более чем у половины россиян не было какой-либо возможности привлечь помощь со стороны, что даёт нам возможность оценить влияние различного характера потенциала ресурса сетей на вероятность индивида оказаться в верхней или нижней страте по Индексу ЖШИР.

Ещё одним нематериальным ресурсом является культурный капитал, подразумевающий под собой временные инвестиции и усилия по освоению норм и знаний, характерных для определённого типа культуры, и отражающий условия социализации индивида [Bourdieu, Passeron, 1990]. Имеющийся инструментарий позволял использовать для оценки культурного капитала индивида три показателя условий его социализации: уровень образования отца, уровень образования матери и тип поселения по месту проживания на момент поступления индивида в школу.

Наконец, последним фактором из этой группы стали особенности личностных установок и ценностей индивидов (личностный ресурс), которые мы операционализировали через такой показатель, как локус-контроль², отражающий ориентацию индивида на принятие на себя ответственности за происходящее в жизни или же на приписывание основной роли в своей судьбе внешним обстоятельствам, а также временной горизонт индивида, т. е. период, на который он планирует

¹ Индекс потенциала ресурса сетей (социального капитала) строился по результатам факторного анализа с использованием метода нарастающего итога. См. подробнее: [Каравай, 2016: 5].

² В нашем инструментарии операционализировать этот показатель можно было через выбор в паре альтернативных нормативных суждений: 1. Человек сам кузнец своего счастья, и успех и неудачи – всё в его руках (внутренний локус-контроль); 2. Жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями (внешний локус-контроль).

свою жизнь. При этом мы исходили из того, что, как это уже было показано ранее [Тихонова, 2014], уровень благополучия индивидов в современном обществе связан с характерным для них типом локус-контроля и их временным горизонтом.

Таблица 2

**Описание независимых переменных, включённых в регрессионную модель,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2018 г.**

Показатель	Распределение значений
Ковариаты	
Возраст	Дискретная переменная, значения от 18 до 89 лет, среднее – 43,6 года, медиана – 42 года
Среднедушевой доход в домохозяйстве	Непрерывная переменная соотношения среднедушевого дохода в семье и медианного дохода в соответствующем типе поселения ¹ . Значения от 0,1 до 16,7, среднее – 1,16.
Количество лет обучения	Количество лет обучения, дискретный показатель в диапазоне от 2 до 25 лет. Среднее значение – 13,45 лет, медиана – 13 лет.
Остальные переменные	
Пол	Мужской – 46% Женский (база) ² – 54%
Оценки состояния здоровья	Хорошее – 28% Среднее (база) – 58% Плохое – 14%
Соотношение работающих и неработающих в домохозяйстве	Поровну, или неработающих больше (база) – 53% Работающих больше – 47%
Проживание в Москве ³	Москва – 7% Остальные населённые пункты (база) – 93%
Проживание в сельской местности	Сёла – 23% Города (база) – 77%
Место проживания на момент поступления в школу	Москва или Санкт-Петербург – 7% Крупный город (центр субъекта РФ) – 23% Малый или средний город (районный центр) – 31% Село или ПГТ (база) – 39%

¹ Методика анализа доходного распределения была взята из: [Модель доходной..., 2018]. Для построения показателя использовались медианы распределения среднедушевых доходов в следующих типах поселений: столицы (Москва и Санкт-Петербург), другие центры субъектов РФ, районные центры, посёлки городского типа и сёла. По мнению авторов этой методики, в условиях отсутствия баз данных, репрезентирующих население каждого из регионов России, в наибольшей степени учесть территориальный аспект разницы в уровне доходов позволяет сравнение доходов индивидов с поселенческой медианой.

² Базовой категорией, т. е. той, в сравнении с которой определялось влияние того или иного фактора на вероятность индивида оказаться в страте, отличной от средней, мы обычно выбирали наиболее массовую, однако в ряде случаев нам было важно оценить влияние наличия конкретного признака, поэтому за базу принималось его отсутствие.

³ В ходе регрессионного анализа мы рассматривали в качестве фактора стратификации также показатель, отражающий факт проживания и в Санкт-Петербурге, предполагая, что инфраструктура и специфика социальных институтов и этого города должна благоприятно влиять на жизненные шансы его жителей. Однако этот фактор оказался незначимым.

Продолжение таблицы 2

Показатель	Распределение значений
Ресурс социальных сетей	Отсутствует (база) – 51% Простейшая помощь – 22% Удовлетворение социальных потребностей – 8% Связи – 11% Дефицитные связи – 8%
Локус-контроль	Внешний (база) – 48% Внутренний – 52%
Планирование жизни	Хотя бы на год вперёд – 53% Не планируют вообще (база) – 47%
Образование отца	Высшее – 24% Среднее специальное – 37% Не выше общего среднего (база) – 39%
Образование матери	Высшее – 28% Среднее специальное – 38% Не выше общего среднего (база) – 34%
Соотношение уровней образования матери и отца	Различные комбинации

Таким образом, в целом список переменных, включённых в построение регрессионной модели, приобрёл вид, указанный в таблице 2, где также приведена распространённость соответствующих признаков в используемом нами массиве данных. Всего в изначальную мультиномиальную регрессию входило 15 регрессоров, включая три ковариаты и техническую переменную взаимодействия показателей уровня образования матери и отца¹.

Для выбора наиболее подходящей итоговой версии модели мы воспользовались алгоритмом последовательного удаления, в ходе которого в модель сначала включаются все отобранные переменные, а затем наименее значимые из них последовательно исключаются до тех пор, пока все оставшиеся не будут вносить статистически значимый вклад в модель. В нашем случае этот алгоритм исключил из анализа переменную образования отца, а также переменную взаимодействия показателей уровня образования родителей. Таким образом, в итоговую модель² вошло 13 регрессоров (см. табл. 3).

¹ По причине высокой корреляции переменных образования матери и отца (R_0 Спирмена равнялось 0,696) помимо них мы включили и переменную их взаимодействия, то есть различных вариаций уровней образования в родительской паре. Переменная была создана автоматическим алгоритмом в ходе построения регрессионной модели в программном пакете IBM SPSS Statistics.

² Статистики изначальной модели (с 15 регрессорами) – псевдо- R^2 : Кокса и Снелла = 0,356, Нэйджелкерка = 0,409, Макфаддена = 0,215; информационные критерии: AIC = 5367,944; BIC = 5648,383. Статистики итоговой модели (с 13 регрессорами) – псевдо- R^2 : Кокса и Снелла = 0,355, Нэйджелкерка = 0,408, Макфаддена = 0,214; информационные критерии: AIC = 5362,986; BIC = 5619,039.

Таблица 3

Результаты мультиномиального регрессионного анализа факторов, определяющих положение индивидов в стратификационной иерархии, основанной на Индексе ЖШИР (база – средняя страта)

Факторы	Нижняя страта	Верхняя страта
Ковариаты		
Возраст	0,988***	1,000
Среднедушевые доходы	0,630***	1,941***
Количество лет обучения	0,849***	1,255***
Остальные переменные		
Мужчины (по сравнению с женщинами)	1,312***	0,900
Самооценки состояния здоровья (по сравнению со средними самооценками):		
Хорошие	0,617***	2,067***
Плохие	2,162***	0,309***
Соотношение работающих и неработающих в домохозяйстве (по сравнению с теми, у кого в семьях неработающих больше или столько же, сколько работающих)		
Работающих больше	0,798***	1,086
Проживание в Москве (по сравнению с остальными населёнными пунктами)	1,653**	0,874
Проживание в сельской местности (по сравнению с городами)	1,693***	0,596***
Тип поселения проживания на момент поступления в школу (по сравнению с теми, кто пошёл в школу в сёлах и ПГТ)		
Москва или Санкт-Петербург	0,455***	2,001***
Другие крупные города	0,931	1,310*
Малые и средние города	0,901	1,179
Ресурс социальных сетей (по сравнению с теми, у кого он отсутствует)		
Дефицитные связи	0,511***	2,979***
Связи	0,835	2,233***
Удовлетворение социальных потребностей	0,369***	1,803***
Простейшая помощь	0,912	1,109
Личностные характеристики курсив		
Внутренний локус-контроль (по сравнению с внешним)	0,604***	1,877***
Планирование жизни хотя бы на год вперёд (по сравнению с теми, кто не планирует совсем)	0,725***	1,532***
Образование матери (по сравнению с теми, чьи матери не получили профессионального образования)		
Высшее (включая незаконченное высшее)	0,713***	1,167
Среднее профессиональное	0,881	0,088

Примечание. В таблице приведены показатели $\exp(\beta)$, * – 10%-й уровень значимости, ** – 5%-й уровень значимости, *** – 1%-й уровень значимости.

Факторы неравенства жизненных шансов

Согласно полученным результатам, часть из рассматриваемых нами факторов влияет только на вероятность индивида оказаться в нижней страте — это мужской пол¹, высокая иждивенческая нагрузка в домохозяйстве, а также отсутствие высшего образования у матери. Остальные факторы одновременно влияют и на уменьшение рисков оказаться в нижней страте, и на рост вероятности попасть в состав верхней страты. Механизм действия большинства из этих факторов понятен, однако часть из них требует некоторых пояснений. Так, согласно нашей модели, вероятность попадания в нижнюю страту оказывается повышена при прочих равных в случае проживания в Москве, что на первый взгляд кажется парадоксальным. Дополнительный анализ показал, что основные риски для москвичей связаны с производственной сферой — среди работающих жителей столицы у 66% не соблюдается трудовое законодательство и у 15% есть опыт длительной безработицы. Для сравнения — у жителей других городов соответствующие показатели равны 45 и 13%, а у сельских жителей они составляют 58 и 16%. Естественно, что нестабильная занятость влечёт за собой и нестабильность доходов, которая характерна для 16% москвичей и 11% жителей других городов. Другими словами, притом, что Москва в значительной степени отличается от любого другого города страны по уровню жизни её населения, особенности локальных рынков труда повышают риски нестабильной занятости, длительной безработицы и социальной незащищённости. Происходит это за счёт очень высоких рисков для составляющих значительную долю населения столицы мигрантов первого поколения, поскольку для потомственных москвичей такая ситуация нехарактерна. Полностью нейтрализовать действие этого фактора неспособна даже более благополучная, чем в других городах, профессиональная и образовательная структура населения Москвы.

Интересна ситуация и с ролью человеческого капитала в стратификации. Согласно нашему анализу, при прочих равных каждый дополнительный год обучения сокращает риски нахождения в нижней страте и повышает вероятность попадания в верхнюю. Если учесть не только продолжительность обучения, но и рассматривать качество человеческого капитала в комплексе², то эффект вли-

¹ Несмотря на то, что мужчины по сравнению с женщинами характеризуются более широкими возможностями в экономической и производственной сферах, для них высоки и риски депривации в этих же сферах. Среди работающих мужчин чаще распространён физический труд (51% против 20% среди работающих женщин) и в том числе в неблагоприятных условиях (у 30% против 20% соответственно). Отсюда нередко следует и нестабильность доходов, более актуальная для мужчин, чем для женщин (16% против 10% соответственно).

² Высоким его качеством характеризуются те, кто потратил на образование в общей сложности не менее 15 лет, включён в процессы непрерывного обучения, владеет компьютерной грамотностью и иностранными языками. Индивиды с низким качеством человеческого капитала в подавляющем большинстве своём учились не более 12 лет, не обновляют свои знания, не владеют иностранными языками, а также зачастую не имеют навыков работы на компьютере. Группы выделены на основе Индекса общего человеческого капитала, см. подробнее: [Тихонова, Каравай, 2017].

яния человеческого капитала на место в статусной иерархии будет ещё больше, причём лица с высоким его качеством имеют расширенные жизненные возможности не только в производственной сфере, но и в области образования и здоровья, а совокупные риски для них минимальны. В то же время лица с низким качеством человеческого капитала испытывают серьёзные депривации во всех сферах жизни при самых скромных жизненных возможностях.

В отличие от человеческого капитала само по себе отсутствие ресурса социальных сетей не сказывается на рисках депривации россиян, но для попадания в привилегированную верхнюю страту важен характер потенциальной помощи, который они могут привлечь со стороны своего окружения. И минимальный уровень, сокращающий вероятность попадания в депривированные слои и значимо расширяющий жизненные шансы, — это доступ к заслуживающим доверие врачевным и образовательным каналам, и каждый последующий уровень потенциала социальных связей заметно повышает вероятность нахождения в верхней страте. И действительно, основные проблемы для лиц с отсутствующим или простейшим потенциалом ресурса сетей связаны со сферой образования и здоровья — именно в ней на фоне остальных они отличаются существенным уровнем негативной депривации и совсем небольшими жизненными возможностями.

Что же касается культурного капитала, то те, кто начинал школьное обучение в Москве или Санкт-Петербурге, во взрослом возрасте выделяются на фоне остальных россиян сравнительно невысоким уровнем систематических рисков и широким набором жизненных шансов во всех сферах, но особенно в сфере экономической безопасности, а также в сфере потребления и досуга. Принимая во внимание то, что большинство (свыше 90%) поступивших в школу в столицах продолжают там жить и во взрослом возрасте, можно утверждать, что неравенство в жизненных шансах между жителями столиц (Москвы в первую очередь) и провинции предопределено для них ещё с момента рождения. Активные процессы внутренней миграции в этих условиях обуславливаются в том числе и этим фактором — люди пытаются найти «лучшую жизнь» если не для себя, то хотя бы для своих детей.

Образование родителей в гораздо меньшей степени, чем место рождения и первичной социализации, определяет жизненные возможности россиян во взрослом состоянии, однако на вероятность оказаться в депривированной страте образование матери оказывает заметное влияние. Преимущества тех, чьи матери имели высшее образование, связаны в основном со сферой образования и здоровья — эти индивиды не только сами чаще остальных имеют высшее образование, но и чаще готовы платить и платят за дополнительное обучение и медицинские услуги. В то же время для расширенных жизненных возможностей одних только усвоенных в семье норм в отношении своего человеческого капитала недостаточно; по крайней мере, наши результаты показали, что вероятность попадания в верхнюю страту от образования родителей не зависит.

Гораздо в большей степени, чем происхождение, положение индивида в социальной иерархии определяют его личностные нормы, ценности и установки. Отсутствие осознания ответственности за свою жизнь и навыков её планирова-

ния, повышают риски их попадания в депривированные слои общества и сокращают шансы оказаться в верхней страте. Конечно, здесь есть и обратная связь. Так, детям из благополучных семей, где родители получили высшее образование, чаще присущ внутренний локус-контроль и готовность к длительному планированию своей жизни. Однако факт большой значимости личностных особенностей для определения места индивида в стратификационной иерархии в России подтверждается и при учёте этого обстоятельства, причём эти особенности оказываются для вероятности попасть в ту или иную страту даже важнее, чем образование матери или продолжительность получения собственного образования.

Заключение

Риски оказаться в нижней страте современного российского общества в наибольшей степени зависят от аскриптивных, поселенческих и демографических характеристик индивидов. Люди с плохим состоянием здоровья характеризуются высокими рисками депривации практически во всех сферах жизни, не имея возможностей их сократить. В итоге получается замкнутый круг, который самостоятельно разорвать человеку крайне сложно. Более того, наши результаты свидетельствуют, что негативное влияние ряда других факторов также связано со здоровьем индивидов. В их числе, прежде всего, возраст, причём для сельских жителей ситуация дополнительно усугубляется их слабым доступом к качественной и своевременной врачебной помощи.

В значительной степени депривация, характерная для нижней страты российского общества, связана также с местом жительства индивидов. Сельские жители испытывают депривации во всех сферах жизни, а их жизненные возможности весьма ограничены, причём они получают высокие риски депривации уже при рождении.

В совершенно противоположной ситуации по сравнению с сельскими жителями находятся потомственные москвичи – развитая инфраструктура столицы предоставляет им широкие жизненные возможности. Однако наши результаты показали, что при прочих равных для большинства работающих москвичей, в первую очередь мигрантов первого поколения, жизнь в столице связана с высоким риском депривации в производственной сфере. У них не в полной мере соблюдается трудовое законодательство, их занятость не так устойчива, как кажется на первый взгляд. Это не может не сказываться на устойчивости доходов значительной части жителей Москвы и на их жизненных возможностях в целом.

Высокие риски попадания в нижнюю страту помимо уже указанных групп населения характерны и для российских мужчин. Несмотря на их дополнительные при прочих равных карьерные возможности, некоторые факторы, в частности специфика занятости многих из них, повышают их уязвимость для разного рода рисков и деприваций.

Если риски депривации в российском обществе определяются прежде всего аскриптивными факторами, то расширение жизненных возможностей по сравнению со средним стандартом, в большей степени зависит от ресурсообеспеченности индивидов. Наш анализ показал, что качественный человеческий капитал, наличие высокопотенциальных социальных связей, первичная социализация в обеих столицах, привычка планировать свою жизнь и установка на собственную ответственность за неё не только минимизируют риски депривации индивидов, но и существенно расширяют их жизненные возможности. Причём эти факторы усиливают друг друга, а главное, их влияние проявляется в сфере накопления и сохранения человеческого капитала, что содействует дальнейшему расширению жизненных шансов индивидов. Этому способствует и передача этих ресурсов в процессе социального воспроизводства.

В целом наш анализ показывает, что место индивида в стратификационной иерархии задаётся большим набором факторов, определяющих как характерные для него риски и депривации, так и широту его жизненных возможностей. В их числе и факторы, которые обычно остаются вне зоны интересов исследователей данной проблемы. При этом основные барьеры, препятствующие восходящему движению по социальной лестнице и повышающие риски нисходящей мобильности, связаны с ограничением возможностей накопления и сохранения человеческого потенциала и носят как культурный, так и структурный характер.

Список литературы

Каравай, А. В. Социальный капитал российских рабочих и их установки в отношении его накопления // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3 (133). С. 1–15. DOI: 10.14515/monitoring.2016.3.01

Лежнина, Ю. П. Риски и возможности россиян как база социальной динамики // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 2. С. 207–222. DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-2-207-222

Мареева, С. В. Жизненные шансы жителей столиц и провинций в массовом сознании // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 365–385. DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.17

Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстратификационные сравнения / В. А. Аникин [и др.]; под ред. Н. Е. Тихоновой. М.: Нестор-История, 2018. 368 с. DOI: 10.317544469-1419-7

Тихонова, Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф; Ин-т социологии РАН, 2014. 408 с.

Тихонова, Н. Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоёв современного российского общества // Социологические исследования. 2018. Т. 6. №. 6. С. 53–65. DOI: 10.7868/S0132162518060053

Тихонова, Н. Е., Каравай, А. В. Человеческий капитал российских рабочих: общее состояние и специфические особенности // Мир России. Социология. Этнология. 2017. Т. 26. № 3. С. 6–35. DOI: 10.17323/1811-038X-2017-26-3-6-35

Anikin, V. A., Lezhnina, Y. P., Mareeva, S. V., Tikhonova, N. E. Social Stratification by Life Chances: Evidence from Russia. Basic Research Program. Working Papers. Series: Sociology. National research university Higher school of economics. WP BRP 80/SOC/2017, 26 p. DOI: 10.13140/RG.2.2.16315.72489

Bourdieu, P., Passeron, J.-C. Reproduction in Education, Society and Culture. London: Sage. 1990. Vol. 4. 260 p.

Erikson, R., Goldthorpe, J. The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial societies. New York: Oxford University Press, 1992.

Giddens, A. The class structure of the advanced societies. London: Hutchinson, 1973.

Mincer, J. On-the-job Training: Costs, Returns, and Some Implications // The journal of political economy. 1962. № 70 (5). P. 50–79.

Piketty, T. Capital in the 21st century. Harvard University Press. 2014. 686 p.

Popova, D., Pishniak, A. Measuring Individual Material Well-Being Using Multidimensional indices: An Application Using the Gender and Generation Survey for Russia // Social Indicators Research. 2016. Vol. 125. № 3. P. 1–28.

Weber, M. Economy and society (G. Roth & C. Wittich Eds.). Berkeley: University of California Press. [1924] 1978.

Дата поступления в редакцию: 12.12.2019. Принята к публикации: 14.01.2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Каравай Анастасия Вадимовна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: karavayav@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 811153

DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7095

Factors of Inequality of Russians' Life Chances (Empirical Analysis)

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project № 17-78-20125

Anastasia V. Karavay¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

24/35, b. 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218

For citation: Karavay, A. V. (2020). Factors of Inequality of Russians' Life Chances (Empirical Analysis). *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. Vol. 8. № 1. P. 63–78. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7095

Abstract. The article, based on the data from the eighth wave of all-Russian Monitoring carried out by Institute of Sociology of FCTAS RAS in April 2018, presents the results of the analysis of factors that determine individual's position in the space of life chances and risks. As shown by the multinomial regression analysis, the risks of falling into the deprived strata are largely related to the ascriptive characteristics of the individual, primarily – with his health, male gender and place of residence. In particular, the increased risks of deprivation for Moscow residents have been identified, which may be

associated with a high share of the first-generation migrants among them, who are in a situation of the high probability of long-term unemployment, income instability and non-compliance of their basic labor rights. The scale of this problem is so great that all mass strata of the Moscow residents demonstrate relatively worse indicators in this respect in comparison with residents of other cities, although However, hereditary Muscovites are in a privileged position relatively to the inhabitants of other locations. It is also demonstrated that the expansion of life chances, in contrast to their narrowing relative to the current standard of life chances and risks in modern Russian society, is primarily due to specifics of the resource endowment of individuals. High-quality human and cultural capital, the presence of high-potential social contacts, the habit of planning one's life and accepting own responsibility for it significantly expand the life chances of Russians while minimizing the risks. The interaction of these factors provides a cumulative effect and shows itself in the accumulation of the human potential of highest quality, contributing to the further expansion of life chances. This is also facilitated by the transfer of key resources in the process of the upper strata's social reproduction.

Keywords: life chances, stratification factors, factors of social inequality, social deprivation, human potential, resource endowment.

REFERENCES

- Karavay A. V. (2016). Sotsial'nyy kapital rossiyskikh rabochikh i ikh ustanovki v otnoshenii ego nakopleniya. [Russian workers: social capital and capital accumulation settings]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 1–15. DOI: 10.14515/monitoring.2016.3.01 (In Russ.).
- Lezhnina Yu. P. (2019). Riski i vozmozhnosti rossiyan kak baza sotsial'noy dinamiki. [The Risks and Capabilities of Russians as a Base for Social Dynamics]. *The Journal of Social Policy Studies*. No. 17(2). P. 207–222. DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-2-207-222 (In Russ.).
- Mareeva S. V. (2018). ZHiznennye shansy zhitelej stolic i provincij v massovom soznanii. [Life chances of residents of capitals and provinces in the mass co-knowledge]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 365–385. DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.17 (In Russ.).
- Model' dohodnoj stratifikatsii rossiyskogo obshchestva: dinamika, faktory, mezhstra-novye sravneniya. (2018). [Model of income stratification of the Russian society: dynamics, factors, cross-country comparisons]. Ed. by N. E. Tikhonova. M.: Nestor-Istoriya publ., 368 p. DOI: 10.317544469-1419-7 (In Russ.).
- Tikhonova N. E. (2014). *Sotsial'naya struktura Rossii: teorii i real'nost'*. [The Social Structure of Russia: Theories and Reality]. M.: Novyi khronograf publ. (In Russ.). 408 p.
- Tikhonova N. E. (2018). Stratifikatsiya po zhiznennym shansam massovykh sloev sovremenogo rossiyskogo obshchestva [Stratification by life chances of mass strata in modern Russian society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 6. P. 53–65. DOI: 10.7868/S0132162518060053 (In Russ.).
- Tikhonova N. E., Karavay A. V. (2017). Chelovecheskiy kapital rossiyskikh rabochikh: obshchee sostoyanie i spetsificheskie osobennosti. [The Human Capital of Russian Workers: The Overall State and Its Specifics]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Ethnologiya*. [Universe of Russia]. Vol. 26. No. 3. P. 6–35. DOI: 10.17323/1811-038X-2017-26-3-6-35 (In Russ.).
- Anikin V. A., Lezhnina Yu. P., Mareeva S. V., Tikhonova N. E. (2017). Social Stratification by Life Chances: Evidence from Russia. *NRU HSE. Series WP BRP. "Sociology"*. No. 80/SOC/2017. DOI: 10.13140/RG.2.2.16315.72489
- Bourdieu P., Passeron J. C. (1990). *Reproduction in Education, Society and Culture*. London: Sage. Vol. 4. 260 p.
- Erikson R., Goldthorpe J. H. (1992). *The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies*. Oxford University Press, USA.

Giddens A. (1973). *The Class Structure of the Advanced Societies*. London: Hutchinson.

Mincer J. (1962). On-the-job training: Costs, returns, and some implications. *The journal of political economy*. No. 70(5). P. 50–79.

Piketty T. (2014). *Capital in the 21st century* Harvard University Press.

Popova D., Pishniak, A. (2016). Measuring Individual Material Well-being Using Multidimensional Indices: an Application Using the Gender and Generation Survey for Russia. *Social Indicators Research*. Vol. 125. No. 3. P. 1–28.

Weber M. ([1924] 1978). *Economy and Society* (G. Roth & C. Wittich Eds.). Berkeley: University of California Press.

The article was submitted on December 12, 2019. Accepted on January 14, 2020.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karavay Anastasia Vadimovna, Candidate of Sociology, Senior Research Associate, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: karavayav@yandex.ru

ORCID Id: 0000-0003-3122-4819

Web of Science ResearcherId: R-4541-2016

Scopus Author Id: 57191285007